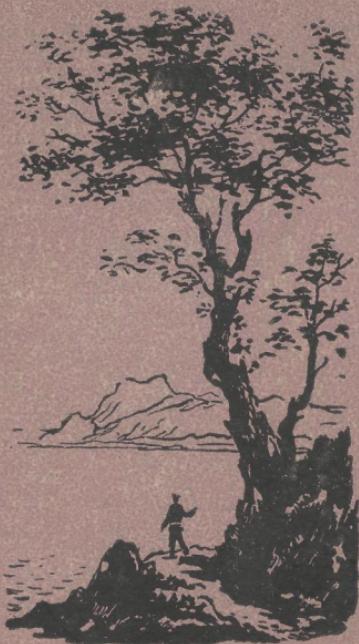

Константин Паустовский

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ

Сп

Константин Паустовский

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ

Советский писатель
Москва · 1955

Дорогому Косте -
с поздравлением
и приветом.

Костя

(К.Нагородний)

27/II-1956г.

Письмо из Тарусы

Есть у нас в стране много маленьких городов. В прежние времена их называли захолустными — все эти Новосили, Сапожки, Хвалынски и Тарусы — и отзывались о них пренебрежительно («медвежий углы», «сонное царство») или, в лучшем случае, со снисходительным удивлением перед их живописной провинциальностью — перед домишками с геранью, водовозами, вековыми дуплистыми ивами и заглохшими садами. Жизнь в этих городках была действительно сонная, скромная и незаметная.

Ныне почти все эти города приобрели новое качество. Из уездных и заштатных они превратились в районные и стали центрами оживленной сельскохозяйственной жизни прилегающих к ним земель. Но несколько пренебрежительное отношение к ним кое-где еще осталось.

У этих городов нет крупной промышленности, да вряд ли там она и может быть. Но у каждого из них есть свои скрытые возможности как для своего благосостояния, так и для того, чтобы внести свой вклад в общегосударственную жизнь.

Все, что будет рассказано ниже, относится к городу Тарусе, Калужской области.

Стоит он на высоких горах над Окой и над удивительными по своей широте и прелести луговыми и лесными Заокскими далями.

Пожалуй, нигде поблизости от Москвы нет мест, таких типично и трогательно русских по своему пейзажу. Недаром еще с конца XIX века Таруса стала городом художников. Здесь жили Поленов и тончайший художник Борисов-Мусатов. Здесь живут Крымов, Ватагин и другие крупные художники. Сюда каждое лето приезжает на практику молодежь из художественных институтов.

Город нельзя оторвать от колхозной жизни. Он врос в нее всеми корнями. В Тарусском районе 19 колхозов. Дело их — молоко и овощи.

Благодаря своим колхозам небольшой этот район приобретает современную славу. Колхозное хозяйство, запущенное и запущенное из-за ошибок не столь далекого прошлого, начинает крепнуть. За последний год местные колхозы удвоили уди молока. Этим цельным молоком тарусская земля снабжает Москву. Снабжала бы в изобилии и овощами, если бы

◇ Константин ПАУСТОВСКИЙ ◇

было больше культиваторов и тракторов-пропашников.

Из 19 колхозов электрифицируется только семь. Рядом с Тарусой проходят три высоковольтные линии, одна даже в черте города. Но никакими силами не удается добиться постройки подстанции, чтобы дать ток колхозам и городу. На все хлопоты и доказательства Тарусе отвечают решительным отказом с вечной ссылкой на то, что у Тарусы нет, мол, крупных предприятий.

Не такое уж большое дело — построить подстанцию, а с ним боятся нескользко лет. Даже более простой, но не столь решительный выход, как подключение Тарусы к Алексину или Серпухову, расценивается как утопия.

В самом городе работает жалкая электростанция, так называемая «тарахтелка». Она дает ток только шесть часов в сутки, и то по очень дорогой цене.

Расцвет сельского хозяйства в районе немыслим без дорог, а их по существу нет. Вернее, они в таком ужасающем состоянии, что особенно весной, зимой и осенью становятся не средством связи между колхозами и городом, а средством почти полного их разобщения.

На приведение дорог в порядок Таруса просит всего триста тысяч рублей в год. Ей же дают семьдесят тысяч. На эти деньги можно только кое-как залатать единственную связь Тарусы с миром (если не считать летнего сообщения по Оке) — дорогу в Серпухов. На ней ежегодно ломается столько машин, тратится впустую столько человеческой энергии, что потери от этого превышают, пожалуй, стоимость строительства новой дороги.

Кстати, еще о дорогах. От Тарусы до областного города Калуги около 60 километров. Но дорога в Калугу напоминает лунный пейзаж, ездить по ней невозможно, и потому в Калугу добираются или через Москву, или через Серпухов и Малоярославец. А это «всего-навсего» в три раза дольше.

Могут сказать: «Пусть Таруса подождет». Но оттяжка времени иногда бывает просто опасной. Например, какая

может быть оттяжка с ремонтом тарусских коммунальных домов, многие из которых пришли в полную ветхость. Крыши протекают. Ремонтировать удается только по три дома в год — и то с преувеличением трудом. При таких темпах ремонт всех домов займет не меньше 30 лет. Средства на ремонт не отпускают. А дома рабочих и служащих, находящиеся в личном владении, совсем не получают материалов для ремонта.

Каждый трудящийся имеет право на отдых. Чтобы воспользоваться этим правом, нужны отдохновенные и живописные места. Такие места главным образом находятся на юге. Но у нас есть много людей, которые не променяют скромное очарование Средней России ни на какой ослепительный юг. Для иных мокрые гроздья черемухи в деревенском саду, отражение месяца в лесном озере и грибной воздух березовых чащ милее запаха магнолий и снежных вершин Кавказа.

Отдых действителен, когда он находится в соответствии со склонностями человека. Один любит глушь, нетронутую природу, другой — оживленное общественное спорта. Поэтому характер отдыха должен быть разнообразным. Об этом следует подумать Министерству здравоохранения РСФСР. Кстати, ему же следует подумать, чтобы снова открыть под Тарусой в великолепном парке с большим домом детского санатория.

Такие городки, как Таруса, как бы нарочно созданы для отдыха неподвижного и, если можно так выразиться, спокойного. Поэтому, помимо обычных домов отдыха, здесь следовало бы завести пансионаты, где люди могли бы отдыхать со своими семьями в обстановке тишины и покоя.

Места вокруг Тарусы поистине прелестны. Они погружены (именно, погружены) в чистейший и легкий воздух. Пока что ни одна ядовитая химическая струя не врывалась в целебные запахи здешней земли.

Тарусу давно следовало бы объявить природным заповедником. Почему до сих пор мы упорно пренебрегаем красотой природы и силой ее культурного и морального воздействия на человека?

Прекрасный ландшафт есть дело государственной важности. Он должен охраняться законом. Он плодотворен и создает то жизнеутверждающее состояние,

без которого немыслим полноценный человек нашего времени.

Соединение всех аспектов Тарусы — богатого возможностями сельскохозяйственного района, города отдыха и заповедника — вот путь к тому, чтобы тихий этот городок ожила и занял свое место в жизни страны.

Как же выглядит сейчас Таруса? Довольно уныло.

В городе нет водопровода. Жители берут воду из трех резервуаров, куда по трубам, построенным еще в позапрошлом веке, стекает вода из отдаленного ручья. Вода плохая, жесткая.

Резервуары устроены внизу, а город лежит на горах. Жителям приходится таскать воду на коромыслах иногда за 2—3 километра.

Готовый проект хорошего водопровода Калуга не утверждает. Деньги на подготовительные работы та же самая Калуга отпускает (вернее, обещает отпустить) гомеопатическими дозами. Стоимость водопровода — 1.300.000 рублей. Калуга же пока согласилась отпустить лишь сто тысяч.

Местные работники боятся, как рыба об лед, чтобы хотя немного благоустроить свой город. Но все их благие намерения часто не встречают поддержки со стороны областных организаций.

В Тарусском районе 34 сносные сельские школы. Но в самом городе положение со школами плохое. Школ две — средняя и семилетка (в общей сложности в них учится 1.000 человек). Средняя школа размещена в шести домах, совершенно не годных под школу, а половина классов семилетки — в бывшем купеческом лабазе — сыром и темном. занимаются школьники при электричестве, но оно так слабосильно, что на подмогу ему нередко зажигают керосиновые лампы. Из-за отсутствия электричества ни физических, ни химических лабораторий нет. Нет и инструментов для политехнического образования.

В Тарусе нужно немедленно строить школу.

В городе работает артель вышивальщиц, основанная художницами Поленовой и Якунчиковой в 1924 году. Народный женский талант в России в прошлом чаще всего выражался в работе искусственных вышивальщиц, в их золотых руках и строгом вкусе. Нужно всячески развивать вышивальное дело в Тарусе и привлечь, наконец, пожилых женщин — вязальщиц и вышивальщиц — к работе на дому.

Пекарня выпекает вдвое меньше хлеба, чем нужно. Приходится привозить хлеб из Серпухова. Город нужно густо озеленить. Правда, энтузиаст-садовник разбил над Окой городской сад и обсаживает улицы липами и тополями, но по следам садовника идут иногда хулиганы и ломают высаженные деревца.

Печальнее всего обстоит дело с охраной природы. Тут столько бестолочи, что не знаешь, с чего и начать.

Леса тают. Через несколько лет их совсем не останется. Закон о водоохраных лесах не соблюдается, фактически его давно отменили, и этим был нанесен непоправимый удар природным богатствам. Закон этот следует восстановить.

В связи с уничтожением лесов вступает в силу грозное явление эрозии — вымыывание и распыление плодородной почвы. Недавно здесь прошел ливень. Ока превратилась в поток густой глины. Многими тысячами тонн она уносила смытую ливнем плодородную почву.

Что говорить о красоте ландшафта, если в черте города работает большая каменоломня (карьер) Академстроя (Академии наук), а вблизи Тарусы гремят еще пять значительно больших каменоломен разных ведомств. Они взрывают берега Оки толом, валят береговые леса, необратимо обезображивают пейзаж, сотрясают сильными взрывами дома, отглушают жителей. Представляет ли бутовый камень такую драгоценность, чтобы во имя ее именно в этом чудесном месте уничтожать подлинную драгоценность — природу?

Надо полагать, что наличие каменоломни с ее запасами взрывчатки в черте города «рентабельно». А до остального работников из Академстроя, видимо, нет дела.

Вмешательство Академии наук, но совсем в ином роде, было бы для Тарусы действительно благодетельным. Вместо уничтожения природы оно дало бы академии возможность не только ее сохранить, но и обогатить. Речь идет о том, что Таруса и ее окрестности являются прекрасным местом для работы институтов академии, связанных с природой.

Открытие хотя бы одного института академии в Тарусе сразу бы разрешило многие неотложные вопросы.

Пока же карьеры во всю силу уродуют берега Оки. Почему нельзя перевести добчу бута на шахтный способ и отдинуть карьеры хотя бы за четырехкилометровую полосу водоохраных лесов?

Взрывы производятся с полным пренебрежением к жизни людей и судоход-

ству по Оке. Во время взрывов сотни увесистых камней со свистом, как снаряды, врезаются в воду Оки, причем если на реке есть лодки или пароходы, то это обстоятельство не останавливает беспечных взрывателей.

Население о времени взрывов не оповещено. Никаких заметных предостерегательных сигналов нет.

Бомбежка судоходной реки, большой и оживленной водной дороги, повторяется по нескольку раз в день. По какому праву? С чьего разрешения?

Берега Оки сносятся каменоломнями. Больно видеть стиснутую этой поставленной дыбом бесплодной землей прелестную усадьбу и музей художника Поленова.

И, наконец, последнее, о чем следует не говорить, а просто кричать — это о недопустимом обращении с Окой — чудесной русской рекой.

Мало того, что берега Оки опустошают, но и воду ее безнаказанно и систематически загрязняют калужские и Алексинские заводы. Рыба или уходит (как совсем ушла из этих мест стерлядь), или гибнет массами. С некоторых пор пойманная в Оке рыба стала пахнуть одеколоном от сточных вод комбината душистых веществ в Калуге.

Все, о чем я рассказал выше, — дела людей с холодной кровью. Своим отношением к Тарусе они омрачают жизнь талантливых и честных советских тружеников, великолепных садоводов, энтузиастов — врачей и учителей, мастеров. Все эти люди преданно любят свою Тарусу. Естественно, что они приложат все силы, чтобы сделать из Тарусы цветущий и благоустроенный городок. Необходимо лишь объединить их для этой цели и дать населению самые простые, самые насущные возможности, чтобы оно самостоятельно могло заняться своим городом и районом. А за трудом дело не станет. Своего труда для такого случая никто не пожалеет.

Необходимо большее внимание к малым городам. Надо дать простор развитию всех их возможностей.

Превращение Тарусы в город органического слияния передового сельского хозяйства с местом отдыха, с городом ученых, учащейся молодежи и художников, объявление района Тарусы заповедником русского пейзажа — все это осуществить возможно. Было бы только желание. Но откладывать это нельзя.